А правда ли, что Чичиков - Наполеон

Виктор Гуминский

SHOUT
SHARE
IT

- Гуминский Виктор

Гуминский Виктор
А правда ли, что Чичиков - Наполеон

ВИКТОР ГУМИНСКИЙ
доктор филологических наук

А ПРАВДА ЛИ, ЧТО
ЧИЧИКОВ - НАПОЛЕОН?

- спрашивали чиновники города N Ноздрёва в мхатовской постановке "Мёртвых душ".

- Правда! - отвечал он. - Как сбежал с острова Святой Елены, так и пробирается назад в Россию!"

Правда, чиновники этому слуху не поверили, "а, впрочем, призадумались и, рассматривая это дело каждый про себя, нашли, что лицо Чичикова, если он поворотится и станет боком, очень сдаёт на портрет Наполеона".

Более весомым оказалось суждение полицмейстера, который "служил в кампанию двенадцатого года и лично видел Наполеона". Полицмейстер "не мог тоже не сознаться", что ростом Наполеон "никак не будет выше Чичикова и что складом своей фигуры Наполеон, тоже нельзя сказать, чтобы слишком толст, однако ж и не так, чтобы тонок". Павел Иванович оказался рассмотренным, что называется, с головы до ног, и было констатировано: да, похож, если не в анфас, то в профиль, если не во фраке своего любимого брусничного цвета с искрой, то в каких-нибудь полководческих одеждах (Наполеон всем остальным предпочитал мундир гвардейских егерей, а на досуге - скромный серый сюртук). При этом как бы подразумевалось, что в случае битвы Чичикова-Наполеона нельзя себе представить иначе как во главе легионов скупленных им мёртвых душ. А происходило всё это, как указано в самой поэме, "вскоре после достославного изгнания французов".

Была у этого вопроса и сторона, прямо касающаяся восприятия фигуры Наполеона в России. "Мы все глядим в Наполеоны", - писал Пушкин в "Евгении Онегине", подчёркивая стремление современников, заворожённых фантастической судьбой французского императора, быть или казаться похожими на этого маленького великого человека. Или, если перефразировать пушкинские же слова о Байроне, сближение с Наполеоном льстило многим самолюбиям. Ведь уже одно внешнее сходство с ним словно предопределяло судьбу человека, накладывало на него печать исключительности, а порой и прямо вело по этому пути, который мог закончиться и на острове Св.

Елены, и на виселице. Вот как обрисовал декабриста П. И. Пестеля в своей записной книжке священник П. Н. Мысловский после знакомства с ним во время следствия в Петропавловской крепости: "Имел от роду 33 лет, среднего роста, лица белого и приятного с значительными чертами или физи-ономиею... увёртками, телодвижением, ростом, даже лицом очень походил на Наполеона. И сие-то самое сходство с великим человеком, всеми знавшими Пестеля единогласно утверждённое, было причиною всех сумасбродств и самих преступлений". Об этом же вспоминал и Н. И. Лорер, впервые встретившийся с Пестелем в Петербурге в 1824 году: "Пестель был небольшого роста, брюнет, с чёрными, беглыми, но приятными глазами. Он и тогда и теперь, при воспоминании о нём, очень много напоминает мне Наполеона I". Лорер был дядей известной А. О. Смирновой-Россет, с которой был дружен Гоголь, и нельзя исключить, что какие-то рассказы его о прошлом, в том числе и о Пестеле, могли через неё стать известны и Гоголю.

"Ростом он был не очень велик, но довольно толст, - вспоминает С. В. Капнист-Скалон уже о другом декабристе С. И. Муравьёве-Апостоле, - чертами лица, и в особенности в профиль, он так походил на Наполеона, что этот последний, увидев его в Париже, в Политехнической школе, где он воспитывался, сказал одному из своих приближённых: "Кто скажет, что это не мой сын!"". Гоголь с детства был знаком с Софьей Васильевной Капнист-Скалон, так что вполне мог слышать её рассказы о своём родственнике.

Необыкновенное возвышение маленького капрала, буквально в одночасье покинувшего толпу безвестных серых людей (символом столь стремительной метаморфозы оставался серый походный сюртук Бонапарта) и превратившегося в императора могущественнейшей державы, в очередной раз заставляло многих людей задумываться над прихотями случая и судьбы. Каждый мог теперь ощущать себя потенциальным Наполеоном, если ему, разумеется, улыбнётся судьба и выпадет счастливый случай. И не просто Наполеоном, а именно императором, государем, стоящим на вершине власти, получившим эту власть не по праву рождения и наследования, а в силу стечения обстоятельств. Ведь Наполеон не остался первым ("среди равных") революционным консулом, а был увенчан порфирой, коронован папой Пием VII. Революционный порядок сменился монархическим (вплоть до брака с австрийской эрцгерцогиней Марией-Луизой, представительницей старейшей династии Габсбургов), породив парадоксальный титул "император Французской республики". Незыблемость мироздания оказывалась обманчивой, социальная

иерархия - подорванной, связь между верхами и низами общества - прозрачной.

Последствием этих катастрофических событий было появление в русской литературе так называемой темы "маленького человека". Ведь, по пушкинскому замечанию, "люди верят только славе и не понимают, что между ими может находиться какой-нибудь Наполеон, не предводительствовавший ни одною егерскою ротою, или другой Декарт, не напечатавший ни одной строчки в Московском Телеграфе. Впрочем, уважение наше к славе происходит, может быть, от самолюбия: в состав славы входит ведь и наш голос".

Иным было отношение к Наполеону в народной среде. Вот что писал П. А. Вяземский в своей "Старой записной книжке": "В течение войны 1806 года и учреждения народной милиции имя Бонапарта сделалось очень известным и популярным во всех углах России. Народ как будто предчувствовал, угадывал в нём "Бонапартия" 12 года". И далее приводил весьма характерный анекдот со ссылкой на рассказ Алексея Михайловича Пушкина, состоявшего по милиционной службе: "На почтовой станции одной из отдалённых губерний заметил он в комнате смотрителя портрет Наполеона, приклеенный к стене. "Зачем держишь ты у себя этого мерзавца?" - "А вот затем, ваше превосходительство, отвечает он, - что, если неравно, Бо-напартий под чужим именем или с фальшивой подорожною приедет на мою станцию, я тотчас по портрету признаю его, голубчика, схвачу, свяжу, да и представлю начальству". - "А, это дело другое!" - сказал Пушкин".

По воспоминаниям Е. П. Янько-вой, многие москвичи, свидетели прихода французов в их город, были убеждены, "будто бы в 1811 году сам Бонапарт, разумеется, переодетый, приезжал в Москву и всё осматривал, так что когда в 1812 году был в Москве, несколько раз про-говаривался-де своим: "Это место мне знакомо, я его помню"". В этот же ряд можно поставить уже первую из известных ростопчинских афиш, где её герой - целовальник Кор-нюшка Чихирин, без особых церемоний обращался к французскому императору со словами: "Полно демоном-то наряжаться: молитву сотворим, так до петухов сгинешь!"

Слухи эти опирались отчасти на известное правило Наполеона засылать в тыл врага шпионов. Для этого использовались не только люди бродячих профессий (фокусники, актёры, торговцы и т. п.), но и персоны гораздо более заметные, например известная писательница мадам С. Ф. Жанлис, роман которой "Герцогиня де Лавальер" читал, кстати сказать, во время своей простуды Чичиков. Иногда в качестве шпионов выступали и приближённые к Наполеону люди, например генерал,

впоследствии маршал Ней, проникший в одежде крестьянина в один из осаждённых немецких городов, дабы должным образом подготовиться к его штурму.

В мемуарах французского посла в России А. Коленкура неоднократно говорится о тайных французских агентах, нахлынувших в Россию со всех сторон перед началом войны. 19 апреля русский посланник в Вене граф Г. О. Шта-кельберг извещал секретным письмом главнокомандующего 2-й Западной армии генерала от инфантерии П. И. Багратиона: "По дошедшим ко мне известиям уве-домился я, что сорок два человека (французов, знающих говорить по-русски, назначены прокрасться в нашу Армию в виде Емисаров". В секретной депеше на имя управляющего российским МИДом графа А. Н. Салтыкова от 25 мая 1812 года тот же Г. О. Штакельберг сообщил приметы и имена четырнадцати шпионов Бонапарта, из которых только трое или четверо были французами, пятеро или шестеро - евреями из различных немецких земель, среди остальных - австриец, итальянец, ирландец. Французские агенты действовали в русском тылу, вплоть до обеих столиц, под видом путешественников и торговцев, монахов и артистов, врачей и гувернёров. Организованная с присущим Наполеону размахом разведка позволила ему уже к началу войны знать численность русской армии, её дислокацию и даже ближайшие планы командования. Впрочем, русская контрразведка успешно действовала против французов ещё с 1810 года, а по ходу Отечественной войны активней стала и русская разведка. За всё это время французской тайной службе не удалось завербовать ни одного агента среди русского офицерского корпуса и в народе.

Но восстановим последовательность исторических событий. 16 ноября 1806 года появился царский манифест о начале войны с Францией. 30 ноября последовал манифест об образовании временных ополчений или милиции. Театр военных действий располагался довольно-таки далеко на Западе, следовательно, и вражеская разведка действовала в основном там же. Однако представление о сверхъестественном могуществе самого Наполеона, о его способности принимать любые обличья, проникать в самые отдалённые и неожиданные места начинает формироваться именно в это время. Оно основывалось в первую очередь на объявлении Святейшего Синода, которое духовенство обязано было читать в храмах каждый воскресный и праздничный день по окончании литургии. В нём говорилось:

"Неистовый враг мира и благословенной тишины, Наполеон Бонапарте, самовластно присвоивший себе царственный венец Франции и силою оружия, а более коварством распространивший

власть свою на многие соседст-венные с нею государства, опустошивший мечом и пламенем их грады и сёлы, дерзает, в исступлении злобы своей, угрожать свыше покровительствуемой России вторжением в ея пределы... и потрясением православныя, грекороссийския Церкви во всей чистоте ея и святости...

Всему миру известны Богопротивные его замыслы и деяния, коими он попирал законы и правду.

Ещё во времена народного возмущения, свирепствовавшего во Франции во время Богопротивной революции, бедственныя для человечества и навлекшей небесное проклятие на виновников ея, отложился он от Христианской веры, на сходбищах народных торжествовал учреждённыя лжеумствующими Богоотступниками идолопо-клоннические празднества и в сонме нечестивых сообщников своих воздал поклонение единому Всевышнему Божеству подобающие, истуканам, человеческим тварям и блудницам, идольским изображениям для них служившим.

В Египте приобщился он гонителям Церкви Христовой, пропове-дывал алкоран Магометов, объявил себя защитником исповедания неверных последователей сего лжепророка мусульман и торжественно показывал презрение своё к пастырям Святыя Церкви Христовой.

Наконец, к вящему посрамлению оной, созвал во Франции Иудей-ския синагоги, повелел явно воздавать раввинам их почести и установил новый великий сангедрин еврейский, сей самый Богопротивный собор, который некогда дерзнул осудить на распятие Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа, и теперь помышляет соединить иудеев, гневом Божиим рассыпанных по всему лицу земли, и устроить их на испровержение Церкви Христовой и (о, дерзость ужасная, превосходящая меру всех злодеяний!) на провозглашение лжемессии в лице Наполеона".

Это объявление Святейшего Синода сопровождалось выдержанным в аналогичных выражениях объявлением митрополита римских церквей в России Станислава Бо-гуша, где Наполеон также определялся как враг рода человеческого. А его целью - "на бедствиях всего света основать славу свою, стать в виде Божества на гробе Вселенной".

Именно это воззвание, вероятно, имел в виду Ф. Н. Глинка, когда вспоминал в "Письмах к другу": "Перед войною 1807 года при вызове народного ополчения (милиции) издан был краткий манифест, из которого явно выглядывал "Наполеон-антихрист" .

Объявление Святейшего Синода основывалось, как теперь сказали бы, на обширном фактическом материале. Скажем, во время египетского похода Бонапарт, судя по всему, действительно готов был принять ислам. Более того, он уверял, что вслед за ним

и вся его армия шутя переменила бы веру. "А между тем подумайте только, что бы из этого вышло, - рассуждал французский полководец далее. - Я захватил бы Европу с другого конца; старая европейская цивилизация была бы окружена, и кто тогда посмел бы противиться судьбам Франции и обновлению века?" Как тут не согласиться с утверждением К. Меттерниха, что жажда всемирного владычества заложена в природе Наполеона. Австрийский министр был уверен в том, что чудовищный план французского императора всегда был и есть порабощение человечества под властью одного. Широко известны многочисленные антихристианские высказывания Наполеона. В целом же он полагал, что "цель века была достигнута, совершилась Революция". Сам же он "делался ковчегом Ветхого и Нового Завета, естественным между ними посредником".

В письме от 11 июня 1812 года (то есть дня вторжения наполеоновской армии в Россию) на имя военного министра Барклая-де-Толли дерптский профессор библейской экзегетики и восточных языков Вильгельм Гецель приводил свои исчисления, согласно которым в имени Наполеона (по французскому алфавиту) содержалось звериное число из Апокалипсиса: 666 (речь идёт о том месте Священного Писания, где говорится: "Зде мудрость есть, иже имать ум, да почтёт число зверино: число бо человеческо есть и число его шестьсот шестьдесят шесть".

В той же главе, стих 5, сказано: "И даны быша ему уста, глаголюша велика и хульна, и дана бысть ему область творити месяц четыре десять два". Под последней цифрой иногда подразумевали наполеоновский возраст (в 1812 году ему уже было 43, и отсюда выводили неминуемость его скорого падения), другие толкователи исчисляли 42 месяцами время его военных успехов, намекая на безуспешную испанскую войну. Слова Апокалипсиса о звере багряном, преисполненном именами богохульными, с семью головами и десятью рогами, толковали как указание на семь королей, поставленных Наполеоном (неаполитанский, вестфальский, виртембергский, саксонский, голландский, испанский, баварский). Под десятью рогами, согласно этому же толкованию, подразумевались народы, попавшие под власть Наполеона и перечисленные в царском манифесте от 3 ноября 1812 года: австрийский, прусский, саксонский, баварский, виртембергский, вестфальский, итальянский, испанский, португальский, польский.

Соотносили с текстом Священного Писания и назначение М. И. Кутузова главнокомандующим русскими войсками (8 августа 1812). Причём возведение незадолго до этого графа Кутузова в княжеское достоинство (29 июля 1812) как нельзя более отвечало

пророчеству Даниила о восстании великого князя Михаила, стоящего за свой народ против нечестивого царя-самозванца.

Нельзя сказать, что подобным образом Наполеона трактовали только в России. В 1812 году журнал "Сын Отечества" опубликовал переведённый с испанского "Гражданский катехизис" (он распространялся в Севилье в 1808 году), в котором содержалась следующая характеристика врага благополучия, императора французов: "Вопрос. Сколько он имеет ес-теств?

Ответ. Два: сатанинское и человеческое.

В. От чего происходит Наполеон?

О. От ада и греха".

Подобные настроения были распространены и в действующей армии. В своих записках, которые читал и рецензировал Гоголь, полковник И. Л. Радожицкий вспоминал об одном из нестроевых офицеров, знатоке Священного Писания, который в начале войны проповедовал: Наполеон есть "антихрист, сиречь Аполлион", предрекал занятие французами Москвы и т. п. Явно вслед за ними появился в десятой главе "Мёртвых душ", правда, пришедший неизвестно откуда, пророк "в лаптях и нагольном полушубке, страшно отдававшемся тухлой рыбой". Он, как известно, смутил сначала купцов, а затем и чиновников города N известиями о Наполеоне-антихристе, что привело и к похожим упражнениям в апокалипсических цифрах. Толстовский Пьер Безухов следовал в своих исчислениях за этими авторами.

Но Объявление Святейшего Синода от 6 декабря 1806 года действовало недолго. 25 июня 1807 года был заключён Тильзитский мир, об объявлении Святейшего Синода на официальном уровне предпочли забыть, а 17 июля последовала высочайшая его отмена.

Однако перестать придавать образу Наполеона мифические черты было уже невозможно. К этому давали основания даже переговоры двух императоров. "Когда узнали в России о свидании императоров, - писал П. А. Вяземский в "Старой записной книжке", - зашла о том речь у двух мужичков. "Как же это, - говорит один, - наш батюшка, православный царь, мог решиться сойтись с этим окаянным, с этим нехристем? Ведь это страшный грех!" - "Да, как же ты, братец, - отвечает другой, - не разумеешь и не смекаешь дела? Наш батюшка именно с тем и велел приготовить плот, чтобы сперва окрестить Бонапартия в реке, а потом уж допустить его пред свои светлые царские очи".

Со встречей императоров на Немане связан, на наш взгляд, ещё один знаменитый эпизод из "Мёртвых душ". Павел Иванович Чичиков пожаловал в гости к Манилову, и после повествования о хозяине дома и его супруге рассказчик возвращается к своим

героям, которые стояли перед дверями гостиной, упрашивая друг друга пройти вперёд.

" - Сделайте милость, не беспокойтесь так для меня, я пройду после, говорил Чичиков.

- Нет, Павел Иванович, нет, вы гость, - говорил Манилов, показывая ему рукою на дверь.

- Не затрудняйтесь, пожалуйста, не затрудняйтесь. Пожалуйста, проходите, - говорил Чичиков.

- Нет уж извините, не допущу пройти позади такому приятному, образованному гостю.

- Почему же образованному?.. Пожалуйста, проходите.

- Да отчего ж?

- Ну да уж оттого! - сказал с приятною улыбкою Манилов.

Наконец оба приятеля вошли в дверь боком и несколько притиснули друг друга".

А теперь сопоставим этот текст с фрагментом мемуаров очень близкой к императору Александру I графини Софии Шуазель-Гуфье. Ситуация гость хозяин разрешалась здесь не просто в рамках вежливости, но дипломатического протокола.

"Плот принадлежал Наполеону. После первых приветствий и взаимного представления друг другу великого князя Константина и Мюрата, в то время Бергского великого герцога, Наполеон пригласил русского императора в предназначенный для совещания кабинет. Александр стал уверять, что он - на своём берегу, Наполеон - что он на своём плоту. Чтобы прекратить эти церемонные пререкания, Александр сказал: "Так войдёмте вместе". Так как дверь была очень узкая, оба государя принуждены были тесно прижаться друг к другу, чтобы войти одновременно". Любопытно, что через семь лет Александру I пришлось столкнуться с похожей ситуацией, но её вторым участником был уже легитимный король Франции. Вспоминает та же графиня: "Когда, при вступлении короля в столицу Франции, союзные государи обедали в Тюльерийском дворце, Людовик XVIII, вероятно, соблюдая старинный этикет французского двора, первый прошёл в зал королевского банкета. Император Александр, несколько удивлённый, сказал, улыбаясь, окружавшим его лицам: "Мы, северные дикари, более вежливы в своей стране"".

Даже потерпевший поражение, свергнутый и сосланный на остров Эльба Наполеон с необходимостью должен был вернуться, "воскреснуть", дабы в очередной раз подтвердить свою сверхъестественную природу. С особой очевидностью это проявилось, конечно, во время Ста дней. Свидетели второго пришествия Наполеона, его высадки на французский берег,

триумфальных столкновений с посланными против него войсками в один голос говорят о вернувшемся императоре как о "воскресшем Мессии". О том же рассказывает очевидец торжественного, на руках внесения Наполеона в Тюльерийский дворец: "Те, кто нёс его, были, как сумасшедшие, и тысячи других были счастливы, когда и удавалось поцеловать одежды его или только прикоснуться к ней... Мне казалось, что я присутствую при воскресении Христа".

И даже смерть Наполеона не поколебала представления о нём как о существе сверхъестественном. В Музее книги в Москве хранится экземпляр анонимного издания "Перенесение праха Наполеона с острова Св. Елены в парижский Дом инвалидов" (СПб., 1841), в котором описывалось пребывание на острове Св. Елены представительной делегации, присутствовавшей при всех этапах перенесения праха французского императора. Там содержится протокольно точный рассказ о том, что увидели многочисленные свидетели после вскрытия сначала старого деревянного гроба из красного дерева акажу, затем второго свинцового гроба, третьего - из того же дерева акажу и, наконец, последнего жестяного гроба. В нём "лежал усопший великий муж, совершенно невредимый, так что его можно было узнать с первого взгляда, в полном полковничьем мундире гвардейских егерей, который был любимым нарядом его при жизни..." И далее шло вполне обычное, естественно-научное объяснение этого феномена (ведь со смерти Наполеона прошло около двадцати лет): "За неимением на острове Св. Елены всех потребностей настоящего бальзамирования сбережение тела Наполеона должно, конечно, приписать ничему иному, кроме сырости могильного склепа и плотной спайки гробов, не пропускавшей в них воздуха".

Однако гравюра на авантитуле книги даёт иную интерпретацию факту нетленности останков императора. На ней изображён встающий из гроба и выходящий из могилы Наполеон в императорском венце с сиянием, напоминающим нимб. В левой руке императора - лавровая ветвь - популярнейшая во Франции после революции 1789 года эмблема славы, включённая и в герб Французской республики. В другом экземпляре данного издания гравюра снабжена подписью: "Воскресение Наполеона".

В огромной разноязычной литературе, посвящённой Наполеону, как и в гоголеведении, тема Напо-леона-лжемессии давно не поднималась. Между тем она заслуживает тщательной разработки, если иметь в виду внимание Гоголя к такого рода проблемам.

Ведь для Гоголя за каждым случаем малозаметной, казалось

бы, обыкновенной жизни скрывается нечто большее, указующее на высший смысл такого случая, происшествия. О чём рассказывают "Мёртвые души"? Что такое предприятие Чичикова, если посмотреть на него обыкновенными глазами? Ловкое мошенничество, "смешной проект", плутня - одна из многих, совершаемых едва ли не каждый день на необъятных российских просторах. И в лучшем случае она может быть удостоена обличительной заметки в газете. Но в мире гоголевской поэмы чичиковское предприятие да и сам образ предпринимателя всё время возрастают в своём значении, включаются в исторический поток жизни России и всего человечества. Неуместное, фантастическое, курьёзное сравнение Павла Ивановича с Наполеоном оказывается здесь вполне кстати. Выясняется, что между обыкновенными Чичиковыми и необыкновенными Наполеонами больше сходства, чем принято думать. И тот, и другой принимают участие в вечной борьбе добра со злом, совершаемой на Земле. Та же борьба происходит в душе каждого из них. От результатов её и в случае с Наполеоном, и с Чичиковым, и в случае с любым другим человеком зависят судьбы всего мира. Но такие рассуждения никого убедить не могут. "Заговори только с обществом наместо самых жарких рассуждений... живыми образами... и двери сердец растворятся сами навстречу к Припятью их..." - писал Гоголь в "Авторской исповеди". "Живой образ" вечно живого Чичикова оказывается много достовернее мёртвого, пусть и пытающегося воскреснуть Наполеона.